

РЕЛИГИОЗНО-ЭТИКЕТНЫЕ ФОРМУЛЫ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА И ГРАНИЦЫ ИХ ПЕРЕВОДИМОСТИ

Хабибуллаева Ферузахон Казимжановна,

Доктор философии по филологическим наукам (PhD), доцент Андижанского филиала Кокандского университета.

E-mail: feruza0902@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.54613/ku.v18iB.1780>

MAQOLA HAQIDA/ О СТАТЬЕ

Qabul qilindi: 18-may 2026-yil

Tasdiqlandi: 21-may 2026-yil

Jurnal soni: 18-B

Maqola raqami: 53

KALIT SO'ZLAR/ КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

религиозно-этикетная формула, безэквивалентная лексика, ситуативное значение, этнокультурный комментарий, арабизм, узбекская проза, художественный перевод

ANNOTATSIIYA/ АННОТАЦИЯ

В статье разобрана передача религиозно-этикетных формул узбекского языка в двух русских переводах романа Абдуллы Кадыри. Ведущим объектом избрано сочетание «фотиha килмоқ», отмеченное в тексте тридцать девять раз и работающее по меньшей мере в пяти ситуативных значениях при неизменной внешней форме обрядового действия. Установлено расхождение между словарным толкованием сочетания и объемом его контекстных употреблений. Разобраны также передача исторически подвижного значения слова «миллат», описание азана, упоминание суры «Валфажр», обряд полного прочтения Куръана и порядок приведения хадиса. Обоснована граница переводимости формулы, проходящая там, где ситуативное значение перестаёт восстанавливаться из контекста. Разбор велся по сплошной выборке формул с отнесением каждого употребления к ситуативному значению по составу участников, обстановке эпизода и месту сцены в сюжете. Установлено расхождение между словарным объемом сочетания и объемом его текстовых употреблений. Отдельно показана сюжетная нагрузка видовых форм русского глагола при передаче незавершенного обрядового действия. Практическая значимость состоит в предложенном перечне русских соответствий, разведённых по пяти ситуативным значениям обрядового сочетания. Полученные наблюдения приложимы к подготовке комментированных изданий узбекской классики.

ABOUT THE PAPER

Accepted: 18 may 2026

Approved: 21 may 2026

Volume: 18-B

Paper number: 53

KEYWORDS

religious and etiquette formula, non-equivalent vocabulary, situational meaning, ethnocultural commentary, Arabism, Uzbek prose, literary translation

ANNOTATION

The article examines the rendering of Uzbek religious and etiquette formulae in two Russian translations of Abdulla Qodiriy's novel. The principal object is the phrase "fotiha qilmoq", recorded thirty-nine times in the text and operating in at least five situational meanings while the outward form of the ritual act remains unchanged. A gap is established between the dictionary gloss of the phrase and the range of its contextual uses. The study also treats the historically shifting meaning of the word "millat", the description of the azan, the reference to the sura "Val-fajr", the rite of a complete reading of the Quran and the order of quoting a hadith. The limit of translatability is located where situational meaning ceases to be recoverable from context. The analysis draws on a continuous sample of formulae, each occurrence being assigned to a situational meaning according to the participants, the setting of the episode and the place of the scene in the plot. A gap is established between the dictionary range of the phrase and the range of its occurrences in the text. The plot-bearing role of Russian verbal aspect in rendering an unfinished ritual act is shown separately.

Введение. Формулы религиозного обихода занимают в узбекской прозе начала прошлого века заметное место, поскольку изображаемая среда строила на них повседневное общение. Перенос их в русский текст затруднён отсутствием денотата-предмета, ведь за формулой стоит ритуальное либо речевое действие. Проблема работы состоит в несовпадении между словарным толкованием формулы и объёмом её контекстных значений. Рабочая гипотеза формулируется следующим образом. При неизменной внешней форме обрядового действия содержание его меняется вместе с обстоятельствами, отчего единое русское соответствие для всех употреблений подобрать невозможно. Актуальность вопроса подкрепляется возвращением религиозной лексики в узбекский литературный обиход и продолжающимися переизданиями русских переводов классики. Материалом проверки избран роман Абдуллы Кадыри «Ўтган кунлар» вместе с двумя русскими переводами, 1958 и 2009 годов, из которых первый готовился при устранении религиозного слоя, второй при попытке его восстановления.

Анализ литературы. Религиозно-этикетные формулы образуют особый разряд культурно-маркированной лексики. Денотатом здесь выступает ритуальное или речевое действие, тогда как вещная реальность опирается на предмет обихода, отчего приёмы, пригодные для предметного ряда, срабатывают лишь отчасти. Ценностный слой творчества Абдуллы Кадыри разобран М.Х. Рузиевой [14, б. 151], способы номинации лиц в узбекской и русской языковых картинах мира описаны А.К. Абдурахмановой [4, с. 145], воссоздание национальной картины мира в русских переводах поэмы А. Мицкевича изучено Ю.Ю. Мезенцевой [13, с. 139]. Формулы религиозного обихода романа «Ўтган кунлар» в отдельный объект до сих пор не выделялись. Материалом стала сплошная выборка формул из полного текста романа, сопоставленная с двумя русскими

переводами. Ведущее место в выборке занимает сочетание «фотиha килмоқ», отмеченное тридцать девять раз, причём ни один из русских эквивалентов подобной частотой не обладает. Разграничение между вещной реальностью и формулой поведения существенно для выбора приёма, поскольку транслитерация предмета опирается на зримый образ, тогда как транслитерация обрядового действия оставляет читателя без представления о самом действии.

Методология. Основой стала сплошная выборка религиозно-этикетных формул из полного текста романа. Ведущей единицей избрано сочетание «фотиha килмоқ», отмеченное тридцать девять раз. Каждое употребление относилось к одному из ситуативных значений по трём признакам, составу участников, обстановке эпизода и месту сцены в сюжете. Полученные значения сверялись с толковым словарём узбекского языка, после чего устанавливалось расхождение между словарным объёмом и объёмом текстовых употреблений. Русские соответствия оценивались по способности удерживать ситуативное значение, а также по принадлежности к исламскому либо к христианскому обрядовому кругу. Отдельно разбирались арабские вставки с проверкой порядка их приведения по принятой богословской норме. Историческая подвижность значения устанавливалась по времени закрепления нынешнего толкования слова в узбекском языке. Видовые формы русского глагола проверялись на соответствие завершенности либо незавершенности обрядового действия в подлиннике.

Результаты. Историческая подвижность значения ставит перед переводчиком задачу датировки смысла. Изображая потрясение Атабека вестью об истреблении кипчаков, Абдулла Кадыри выстраивает ряд однородных дополнений «миллатини – халқини – мусулмонини» [3, б. 33], где тире между словами закрепляет их смысловую равнозначность. Перевод 2009 года ряд сохранил, «его

народ, его нация – мусульмане стоят на краю зияющей и устрашающей бездонной пропасти» [2, с. 38]. Стирание границ между понятиями озадачит нынешнего читателя, включая читателя подлинника. Слово «миллат» в нынешнем значении закрепилось в узбекском языке примерно с десятых годов прошлого века, до того сохраняя религиозное толкование, где под ним разумелась община единоверцев. Ф. Шлейермахер требовал уточнять неясное из языковой области, общей автору и первым читателям, и понимать говорящего на фоне его национальности и эпохи [17, с. 73]. Восполнить утраченный смысл внутри строки затруднительно, отчего этнокультурный комментарий остаётся здесь единственным средством. Датировка смысла требует обращения к словарям соответствующего периода, тогда как оба перевода опирались на современную им норму узбекского словоупотребления.

Сочетание «*фотиҳа қилмоқ*» образовано соединением арабского «*фотиҳа*» и узбекского вспомогательного глагола «*қилмоқ*». Внешняя форма действия неизменна и складывается из трёх шагов, ладони обращаются вверх с произнесением «*Омин*», следует обращение к Аллаху, затем ладонями проводят по лицу со словами «*Аллоху акбар*». Содержание меняется вместе с обстоятельствами, поскольку вторая часть, мольба, наполняется применительно к случаю. Толковый словарь узбекского языка закрепляет лишь долю употреблений [15], тогда как в романе сочетание работает по меньшей мере в пяти значениях. Л.С. Бархударов относил подобные единицы к безэквивалентной лексике, требующей решения на уровне высказывания [6, с. 240]. Читателю подлинника различие значений даётся без усилия, поскольку опорой служит ситуация. Читатель перевода подобной опоры лишён, отчего выбор русского соответствия ложится целиком на переводчика. Число значений устанавливается по составу участников, по обстановке эпизода и по месту сцены в сюжете. Соотношение устойчивой формы с переменным содержанием сближает сочетание с речевыми формулами этикета, где смысл прочитывается через обстановку произнесения.

Первое из значений связано с благодарением после трапезы. Мусульмане произносят благодарственную мольбу по окончании еды, тогда как христианская традиция помещает её перед началом, отчего замена сочетания словом «*молитва*» смещает обряд. В главе «*Признание*» уста Алим после плова произносит пожелание об уничтожении недругов и о счастье с возлюбленной женой [1]. Читателю подлинника ясна неполнота произнесённого, поскольку ритуальное ядро, хвала и благодарение, предшествует пожеланию. Глава «*Шила в мешке не утаишь*» открывается фразой «*Чой тугалган эди. Отабек фотиҳа ўқуб, ўрнидан қўзғалмоқчи бўлди*» [3, б. 303], переданной как «*Завтрак подходил к концу. Отабек, помолвившись, хотел подняться*» [2, с. 324]. Действие в подлиннике осталось незавершённым, поскольку отец остановил сына с поднятыми ладонями, и завершается оно лишь в следующей главе. Деепричастие совершенного вида закрывает действие раньше срока и разрушает связь между двумя главами. Вид глагола несёт здесь сюжетную нагрузку, поскольку прерванная фатиha удерживает читателя в напряжении до объяснения между отцом и сыном. Восстановление незавершённости достигается формой несовершенного вида, «принялся читать фатиҳу» либо «стал читать фатиҳу».

Благословение начинания стоит за вторым из значений. Уста Алим встречает наставника словами «*Фотиҳа ўқишга келармисиз, деб кутдим*» [3, б. 230], переданным оборотом «*освятить ее вашей молитвой*» [1, с. 246]. Русское сочетание отсылает к церковному обряду освящения и вводит читателя в чужую обрядовую систему, тогда как простое «*дадите фатиҳу*» сохранило бы принадлежность действия исламскому обиходу. В.В. Алимов описывал подобные смещения как интерференцию принимающей культуры [5, с. 232]. Третье значение отвечает согласию и помолвке. Фраза «*Мен бу кун фотиҳа қилиб келдим*» [3, б. 218] передана как «*Сегодня я совершил фатиҳу со сватами*» [1, с. 216] и «*Сегодня я прочитал фатиҳу со сватами*» [2, с. 234]. Оба решения оставляют без выражения главное, согласие на брак, закреплённое обрядом. Точнее звучало бы «*Сегодня я дал своё согласие и подкрепил его фатиҳой*». Обрядовое согласие в узбекском обиходе закрепляется публично и приобретает силу обязательности, отчего утрата смыслового ядра ослабляет мотивировку дальнейших событий романа.

В сцене выпроваживания сватов сочетание работает формулой прощания. Хушруй выпроваживает сватов репликой «*Хали мен эрсираб қолганим йўқ, фотиҳа ўқуб ташвиш чекмай ўйларингга жўнай беринглар*» [3, б. 367], где предложение прочесть фатиҳу

равносильно указанию на дверь. Перевод 1958 года реалию устранил, оставив «*Без лишних хлопот отправляйтесь восвояси*» [1, с. 350], отчего исчезла резкость выпада. Перевод 2009 года дал описательное решение «*Не утруждайте себя молитвами и возвращайтесь домой*» [2, с. 391], лишённое ситуативного наполнения. З.Д. Львовская связывала подобные потери с игнорированием прагматики высказывания [12, с. 224]. Пятое значение закреплено за завершением обряда, «*Фотиҳа тортилгандан сўнг*» [3, б. 388]. Д.Х. Куронов относит повторяющиеся обрядовые действия к опорным элементам художественной структуры, удерживающим единство текста [11]. Обе передачи сходятся в одном, ситуативное значение реплики восстанавливается лишь при знании обычая. Хозяйка дома пользуется обрядовой формулой как средством вежливого отказа, и резкость её слов прочитывается на фоне нормы гостеприимства, требующей обратного.

Духовная окраска обрядового звука проступает в описании предвечерней поры. Оригинал соединяет обстоятельство «*рухоният ёғдириб*» с эпитетом «*мунглиг*» [3, б. 228], отчего печаль призыва читается озарённой. Перевод 1958 года разбил предложение надвое и оставил один эпитет «*печальный*» [1, с. 224], утратив духовное измерение. Перевод 2009 года ввёл оборот «*осыпая всю округу животворной волной духовной чистоты*» [2, с. 244], сохранив смысловое ядро ценой удлинения фразы. Сходное расхождение видно на упоминании суры, где ласточки в подлиннике «*валфажри*» ўқур эдилар [3]. Перевод 1958 года ограничился словами «*славил весну*» [1, с. 284], перевод 2009 года сохранил наименование суры и снабдил его толкованием. Резче потеря в письме Кумуш, где «*хатим қилиб бағишлайман*» превращено в «*начала молиться о душе покойной бабушки*» [1, с. 358; 2, с. 401], и обряд полного прочтения Куръана растворился в абстракции. С.Э. Камилова связывала успех подобных решений с билингвальной компетенцией переводчика [9, с. 117]. Утрата обрядового наименования обедняет здесь и религиозный, и бытовой план письма.

Обсуждение. Отдельный узел трудностей образуют арабские вставки. Имам Юнус Мухаммад-ахунд приводит хадис по установленному порядку, сначала арабский текст, затем толкование [3, б. 327]. Перевод 1958 года оставил одно толкование, перевод 2009 года восстановил арабскую часть, поместив её после перевода [2, с. 350], отчего порядок оказался обратным принятому. Возглас Юсуфбека-хаджи «*садакта я расуллилах*» передан дословно, «*Верно сказано. О, пророк!*» [2, с. 350], тогда как оценочное суждение о словах пророка расходится с вероучительной нормой, и уместнее выглядели бы транслитерация с подстраничным толкованием. В.И. Герасик описал комментарий как самостоятельный жанр герменевтического дискурса [10, с. 32]. Т.В. Евсеева разобрала структурные и прагматические свойства переводного текста с комментарием [7, с. 22]. А.В. Федоров ставил верную передачу обозначений в зависимости от знания изображённой действительности [16, с. 133]. Т.А. Казакова видела в художественном переводе поиск истины подлинника [8, с. 224]. Граница переводимости религиозно-этикетной формулы проходит там, где ситуативное значение перестаёт восстанавливаться из контекста, и восполнить утраченное внутри строки при подобном положении затруднительно.

Заключение. Таким образом, проведенный анализ показывает, что перевод религиозно-этикетных формул требует выхода за рамки узкого словарного соответствия и обращения к широкому этнокультурному контексту. Многофункциональность обрядового сочетания «*фотиҳа қилмоқ*» доказывает, что при неизменности внешней формы его смысл полностью определяется ситуацией, составом участников и сюжетом произведения. Граница переводимости таких формул напрямую связана с возможностью восстановления этого ситуативного значения из контекста; там, где эта связь утрачивается, переводчик вынужден прибегать к описательному переводу или этнокультурному комментарию. Игнорирование прагматики высказывания, исторической изменчивости семантики слов (как в случае с лексемой «миллат») или грамматических нюансов (таких как видовые формы русского глагола) ведет к серьезным потерям в художественном и религиозно-бытовом планах классического текста. Предложенный в работе перечень русских соответствий для различных значений фатиhi, а также выявленные закономерности могут послужить практической основой для создания научно комментированных изданий узбекской классической литературы.

Список использованной литературы

1. Абдулла Кадыри. Минувшие дни / Абдулла Кадыри; перевод с узбекского Л. Батъ, В. Смирновой. – Ташкент: Художественная литература, 1958. – 371 с.
2. Абдулла Кадыри. Минувшие дни / Абдулла Кадыри; перевод с узбекского М. Сафарова. – Ташкент: Шарқ, 2009. – 432 с.
3. Абдулла Кодирий. Ўтган кунлар / Абдулла Кодирий. – Тошкент: Шарқ, 2014. – 400 б.
4. Абдурахманова, А.К. Способы номинации лиц как отражение национальной картины мира в узбекском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук / А.К. Абдурахманова. – Ташкент, 2007. – С. 145.
5. Алимов, В.В. Интерференция в переводе: на материале профессионально ориентированной межкультурной коммуникации / В.В. Алимов. – Москва: КомКнига, 2005. – С. 232.
6. Бархударов, Л.С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода / Л.С. Бархударов. – 2-е изд. – Москва: ЛКИ, 2008. – С. 240.
7. Евсеева, Т.В. Переводной художественный текст с комментарием: структурные, когнитивные и функционально-прагматические особенности: автореферат дис. ... канд. филол. наук / Т.В. Евсеева. – Ростов-на-Дону, 2007. – С. 22.
8. Казакова, Т.А. Художественный перевод в поисках истины / Т.А. Казакова. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2006. – С. 224.
9. Камилова, С.Э. Роль билингвизма в решении некоторых проблем художественного перевода / С.Э. Камилова // Вестник МГЛУ. – 2013. – № 9 (669). – С. 117–122.
10. Карасик, В.И. Комментарий как жанр герменевтического дискурса / В.И. Карасик // Язык, коммуникация и социальная среда: сборник научных трудов. – Вып. 7. – Воронеж, 2009. – С. 32–47.
11. Куронов, Д.Х. Адабиёт назарияси асослари / Д.Х. Куронов. – Тошкент: Академнашр, 2018.
12. Львовская, З.Д. Современные проблемы перевода / З.Д. Львовская. – Москва: URSS, 2008. – С. 224.
13. Мезенцева, Ю.Ю. Воссоздание национальной картины мира в русских переводах поэмы А. Мицкевича «Пан Тадеуш»: дис. ... канд. филол. наук / Ю.Ю. Мезенцева. – Ташкент, 2007. – С. 139.
14. Рузиева, М.Х. Абдулла Қодирий ижодида миллий ва умуминсоний маданият қадриятлар уйғунлигининг фалсафий таҳлили: дис. ... канд. филол. наук / М.Х. Рузиева. – Ташкент, 1999. – Б. 151.
15. Ўзбек тилининг изоҳли лугати. – Тошкент: Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2002. – 3 т.
16. Федоров, А.В. Основы общей теории перевода / А.В. Федоров. – Москва: Высшая школа, 1968. – С. 133.
17. Шлейермахер, Ф. Герменевтика / Ф. Шлейермахер. – Санкт-Петербург: Европейский дом, 2004. – С. 73.